«Новенький» – «Отелло» эпохи школ
только для белых, ностальгии
по оффлайн-общению и расовых трений.

ШЕКСПИР XXI ВЕК

Кавер-версия «Отелло»
Уильяма Шекспира

Трейси Шевалье

НОВЕНЬКИЙ

Шекспир XXI века

Трейси Шевалье

Новенький

«Эксмо»
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шевалье Т.

Новенький / Т. Шевалье — «Эксмо», 2017 — (Шекспир XXI века)

ISBN 978-5-04-090852-3

Когда в школе появляется новый мальчик, сын дипломата, учителя и ученики принимают его настороженно. Новенький, Осей, – единственный чернокожий в «белой» школе. К настороженности добавляются зависть и удивление после того, как в первый же день учебы новенький составляет необычную пару с Ди, самой популярной девочкой школы. И тогда другой мальчик, привыкший держать все под контролем, решил разрушить новый союз. Шекспировские страсти: любовь, ревность и предательство – на школьной площадке Вашингтона.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-090852-3

© Шевалье Т., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть I. Перед уроками 6
Часть II. Первая перемена 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Трейси Шевалье
Новенький

© Климовицкая И., перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Часть I. Перед уроками

Ванильное пирожное, вишенка сверху,
Скажи скорей, кто тебе по сердцу.

Ди первая увидела его. Она запомнила это удивительное чувство. За несколько волшебных секунд, когда незнакомец принадлежал только ей, мир соскочил с рельсов и уже не вернулся в привычную колею.

Школьный двор был полон. Многие приходили пораньше, чтобы поиграть в догонялки, классики или вышибалы, пока не прозвенит звонок. Сама Ди сегодня задержалась, мама отправила ее наверх переодеваться, потому что Ди запачкала пуловер, когда ела яйцо, хотя сама она и не видела никаких пятен от желтка. Часть дороги Ди бежала бегом так, что косы подпрыгивали за спиной – пока не увидела поток школьников, которые двигались в том же направлении, и успокоилась, поняв, что успевает. Она вошла во двор за минуту до первого звонка.

Уже не имело смысла присоединяться к Мими, лучшей подружке, – та прыгала через скакалку, которую крутили две девочки, и Ди сразу прошла к школьному крыльцу, где стоял с другими учителями мистер Брабант в ожидании учеников. Волосы у него были подстрижены коротко и ровно, отчего голова казалась квадратной, и держался он очень прямо. Говорили, что он воевал во Вьетнаме. Ди не была лучшей ученицей в классе – это звание носила зубрилка Пэтти, но Ди старалась угодить мистеру Брабанту, чем могла, и он ее выделял среди всех, и Ди знала, что ее называют любимицей учителя.

Она встала в шеренгу и оглядела двор. Ее взгляд остановился на девочках, которые прыгали через скакалку. А потом она заметила его, он неподвижно стоял возле карусели. На карусели было четверо – Иэн, Род и еще двое мальчиков из четвертого класса. Карусель кружилась так быстро, что Ди подумала – кто-нибудь из учителей непременно вмешается. Как-то раз один мальчик вылетел с карусели и сломал руку. У четвероклассников был испуганный вид, но они ничего не могли поделать, потому что Иэн очень ловко отталкивался ногой и раскручивал их все сильнее.

Мальчик, который стоял рядом с этим бешеным вращением, отличался от остальных. На нем были не просто джинсы, футболка и кроссовки, как у всех ребят. Его наряд – расклешенные серые брюки, белая рубашка с коротким рукавом, черные ботинки – больше походил на форму учеников частных школ. Кожа у него тоже была не такая, как у всех, ее цвет напомнил Ди медведей, которых она видела в зоопарке несколько месяцев тому назад, во время школьной экскурсии. Хотя медведей называли черными, их мех на самом деле был бурым, с рыжиной на кончиках. Медведи больше спали или обнюхивали груду корма, которую вывалил в загон смотритель. Только когда Род швырнул палку, чтобы произвести впечатление на Ди, один из медведей все же обратил на посетителей внимание, оскалил желтые зубы и зарычал, так что ребята завизжали и засмеялись. Ди, однако, не последовала их примеру, она нахмурилась и отвернулась от Рода.

Новенький не смотрел на карусель, он изучал здание школы. Это была типовая окраинная школа, построенная восемь лет тому назад, и напоминала она две краснокирпичные коробки из-под обуви, без всякой фантазии составленные вместе в форме буквы «Г». Когда Ди пошла в детский сад, от стен еще пахло свежей краской. Теперь же здание напоминало поношенное платье – местами обтрепалось, разошлось по швам, покрылось пятнами. Она знала каждый класс, каждую лестницу, каждую балясину, каждый закуток. Ей был знаком каждый метр не только их двора, но и площадки для младших классов по другую сторону

здания. Ди падала с качелей, рвала колготки на горке, застревала на верхушке «джунглей»[1], потому что боялась спрыгнуть. Однажды она объявила половину двора женской территорией, и они с Мими, Бланкой и Дженнифер набрасывались на мальчиков, которые пересекали границу. Они прятались за углом у входа на спортплощадку, где учителя не могли их видеть, и мазали губы помадой, читали комиксы и играли в бутылочку. На школьном дворе прошла вся ее жизнь – смех и слезы, поражения и победы, здесь она обзавелась друзьями и немногими врагами. Это был ее мир, такой привычный, что она не подвергала его сомнению. Через месяц она его покинет и перейдет в среднюю ступень[2].

Сейчас кто-то новый, чужой ступил на ее территорию, это побудило Ди взглянуть на окружающее чужими глазами и внезапно понять убожество обстановки, а себя ощутить здесь посторонней. Как он.

Наконец новенький сдвинулся с места. Ступал он совсем не как медведь, неуклюжий и косолапый. Скорее как волк или – Ди пыталась припомнить каких-нибудь животных темного цвета – как пантера, большая кошка. Не важно, что за мысли крутились у него в голове – например, как нелегко быть новеньким на школьном дворе, где полно незнакомцев с другим цветом кожи, – он шел к дверям, возле которых стояли учителя, с уверенной грацией человека, прекрасно владеющего своим телом. Ди почувствовала стеснение в груди. У нее сперло дыхание.

– Ну и ну! – заметил мистер Брабант. – Мне кажется, я слышу бой барабанов.

Мисс Лоуд, учительница другого шестого класса, которая стояла рядом с ним, хихикнула:

– Миссис Дьюк сказала, откуда он?

– Из Гвинеи, кажется. Или из Нигерии? Короче, из Африки.

– Он ведь будет у вас в классе, верно? Лучше у вас, а не у меня.

Мисс Лоуд огладила ладонью юбку и коснулась сережек в ушах, словно проверяя, на месте ли они. Этот нервический жест она повторяла часто. Выглядела она безупречно, если не считать прически – стрижка боб, взбитая в виде копны. В этот день она была в ярко-зеленой юбке и желтой блузке, в ушах зеленые серьги-диски. Туфли тоже зеленые, на низком квадратном каблуке. Ди с подружками любили обсуждать наряды мисс Лоуд. Одежда молодой учительницы никак не походила на одежду ее учениц, которые носили бело-розовые футболки и расклешенные джинсы, вышитые цветочками понизу.

Мистер Брабант пожал плечами:

– Не вижу особых проблем.

– Нет, конечно, нет. – Мисс Лоуд смотрела на своего коллегу широко раскрытыми голубыми глазами, словно боялась упустить хоть крупицу исходящей от него мудрости, которая сделает ее опытнее. – Как вы полагаете, нам следует – ну, *сказать что-нибудь* детям? О том, что он – ну, я не знаю – что он *другой*? Чтобы обошлись с ним получше?

Мистер Брабант фыркнул:

– Бросьте деликатничать, Диана. Он не нуждается в особом обхождении только потому, что он чер… что он новенький.

– Нет, но… Хотя, конечно, да.

Глаза мисс Лоуд увлажнились. Ди знала от Мими, что раз или два их учительница по-настоящему плакала в классе. За глаза ученики называли ее Плакса-Вакса.

Мистер Брабант перевел взгляд на Ди, которая стояла перед ним, откашлялся и сказал:

---

[1] «Джунгли» – гимнастический снаряд; устанавливается в гимнастическом зале, во дворе школы для малышей. На снаряд можно влезать и раскачиваться на нем, подобно обезьянам в джунглях. – *(Здесь и далее – прим. перев.)*

[2] Средняя ступень средней школы – с 7-го по 9-й класс, – в которой обучаются дети с 12 до 14 лет.

– Ди, ступай к девочкам. – Он указал в сторону прыгавших через скакалку. – Скажи, что я отберу у них скакалки, если будут прыгать после первого звонка.

Он был одним из немногих мужчин в школе, и хотя, казалось бы, какая разница, но Ди считала, что должна подчиняться ему беспрекословно, а при случае угождать – точно так же она вела себя с отцом, которого всегда старалась порадовать вечером после работы.

Ди поспешила к девочкам, которые продолжали прыгать. Скакалки ударялись о бетон, поэтому девочки для прочности соединили две вместе; считалку приговаривали нараспев. Ди помедлила мгновение, потому что была очередь Бланки прыгать. Бланка – лучшая прыгунья в школе, прыгает ловко, может прыгать без конца и не споткнется. Девочки старались выбрать такие считалки, которые сбили бы Бланку, чтобы занять ее место. Бланка, разумеется, хотела прыгать как можно дольше, и этим утром ей удалось добиться, чтобы пели про ванильное пирожное:

Ванильное пирожное, вишенка сверху,
Скажи скорей, кто тебе по сердцу.
А, Б, В, Г…

Если прыгавшая не сбивалась, пока перечисляли алфавит, тогда переходили на числа от единицы до двадцати, потом на любимые цвета. Бланка сейчас проходила цвета, длинные черные кудри подпрыгивали, ноги двигались ловко, ей не мешали даже босоножки на платформе. Ди вообще не могла прыгать в такой обуви, она предпочитала белые кеды «Конверс», хоть и берегла их чистоту изо всех сил.

Ди подошла к Мими, которая крутила скакалки.

– Она уже *второй* раз проходит цвета, – прошептала та. – Покажушница.

– Мистер Би сказал, что отнимет скакалки, если вы не прекратите немедленно, – сообщила Ди.

– Хорошо. – Мими опустила руку, и один конец скакалки повис, а другой продолжал вращаться еще несколько секунд. Ноги Бланки запутались в скакалке.

– Почему ты перестала крутить? – возмутилась она, надув губы. – Я должна была дойти до конца. И потом, мне нужно повторить алфавит, чтобы остановиться на букве «К»!

Ди с Мими сделали большие глаза и начали сматывать скакалки. Бланка была помешана на Каспере, самом популярном мальчике шестых классов. Если честно, он тоже вроде бы неровно дышал к ней, хотя они регулярно ссорились.

Ди и самой всегда нравился Каспер. Более того, они с Каспером оба понимали, что отличаются одной особенностью, – им не нужно прикладывать усилий, чтобы заводить друзей или завоевывать симпатию. Год назад Ди даже призадумалась, уж не влюбиться ли ей в Каспера, а может, и более того – ходить с ним. У Каспера привлекательное, открытое лицо и ярко-голубые глаза, от взгляда которых становится легко на душе. Однако подобное настроение продолжалось у Ди недолго. Хоть влюбиться в Каспера вполне естественно, все же она не могла воспринимать его в таком ключе. Он скорее как брат, они делают что-то сообща, смотрят в одну сторону – вперед, а не друг на друга. Касперу больше подходит девочка взбалмошная и энергичная, вроде Бланки.

– О господи, *это* еще кто? – воскликнула Бланка. На уроках ее почти не слышно, зато во дворе она без стеснения разговаривает в полный голос.

Ди не нужно было оглядываться, чтобы догадаться, что Бланка говорит о новом мальчике.

– Он из Нигерии, – небрежно бросила она, наматывая скакалку на согнутую в локте руку.

– А ты откуда знаешь? – спросила Мими.

– Учителя говорили.

– Чернокожий в нашей школе – в голове не укладывается!

– Тсс… – Ди попыталась угомонить Бланку – боялась, что мальчик услышит.

Со скакалками под мышкой Ди вместе с Бланкой и Мими пошла к шеренге, в которую выстроились школьники. Скакалки хранились в кабинете мистера Брабанта, и Ди отвечала за них – что, она знала, вызывает ревность Бланки, так же как и ее дружба с Мими.

– Чего ты в ней находишь, она ведь чокнутая, – однажды спросила Бланка.

– Мими не чокнутая, – заступилась Ди за подругу. – Она… чуткая. Умеет чувствовать.

Бланка пожала плечами и стала напевать, показывая, что разговор закончен. Тройственный союз – коварная комбинация, один участник всегда чувствует себя лишним.

Новый ученик стоял в конце шеренги, которая выстроилась перед мистером Брабантом. Бланка разыграла целую сцену, демонстративно отшатнувшись на своих платформах от новенького.

– И что нам теперь делать? – закричала она.

Ди поколебалась, потом сделала шаг вперед и встала за новеньким. Бланка последовала за ней и громко прошептала:

– Нет, ты только подумай! Такой в нашем классе! А ты и дотронуться до него можешь, скажи?

– Заткнись! – прошипела Ди в надежде, что он не расслышал.

Она смотрела новенькому в спину. Форма головы у него была очень красивая, череп гладкий и ровный, идеально вылепленный, как будто из глины на гончарном круге. Ди захотелось протянуть руку и дотронуться до его головы. Коротко подстриженные волосы повторяли форму черепа, как деревья повторяют очертания холма, – совсем ничего общего с гигантскими прическами в африканском стиле, популярными сейчас. Впрочем, вокруг не замечалось кого-то с афро. У них в школе не было чернокожих учеников, а в их районе – чернокожих жителей. Хотя в Вашингтоне, Ди Си, было столько чернокожего населения, что его в шутку можно было назвать Шоколадным городом. Иногда, бывая в центре с родителями, Ди встречала чернокожих мужчин и женщин с афро, да еще видела их по телевизору, когда у Мими смотрела «Соул трэйн»[3], танцуя под «Earth, Wind and Fire» или «Джексон Файв»[4]. Ди никогда не смотрела это шоу дома: мать ей ни за что бы не разрешила смотреть, как черные люди танцуют и поют по телику. Ди влюбилась в Джермейна Джексона – из-за его застенчивой белозубой улыбки, которая нравилась ей больше его афро. Все подружки предпочитали малыша Майкла, что казалось Ди слишком банальным. Это все равно что влюбиться в первого школьного красавчика, и, видимо, поэтому она никогда не рассматривала всерьез кандидатуру Каспера – в отличие от Бланки. Бланка всегда выбирала самые банальные пути.

– Ди, сегодня ты будешь опекать нашего нового ученика, – указал на нее мистер Брабант, глядя поверх вереницы голов. – Покажешь ему, где столовая, где музыкальный класс, где туалет. Объясняй все, что ему будет непонятно на уроке. Хорошо?

Бланка фыркнула и толкнула Ди, которая покраснела и кивнула. Почему мистер Брабант выбрал ее? Неужели в наказание? Вообще-то Ди ни разу не наказывали в школе, в этом не было необходимости. Уж так ее воспитывала мама.

Вокруг началось хихиканье и шушуканье.

---

[3] Soul Train (*англ.*) – американская музыкальная телепередача, выходившая в эфир с 1971 по 2006 год. В последующие два года выходили ретроспективные выпуски «Лучшее на Соул-трэйн». В программе в основном выступали исполнители музыки в жанре ритм-н-блюз, соул, хип-хоп.

[4] «Джексон Файв», «Пятерка Джексон» или «Братья Джексон» – американская группа из города Гэри, штат Индиана. Братья Джеки, Тито, Джермейн, Марлон и Майкл Джексон вошли в основной состав группы. Первая в истории группа, аудитория которой в равной степени состояла из белых и черных поклонников. Существовала с 1964 по 1989 год, формально никогда не распадалась. В 2001 году все пять братьев выступили на двух шоу Майкла, посвященных 30-летию его сольной карьеры.

– Откуда *он* взялся?
– Из джунглей!
– Хо-хо-хо! Ой, больно!
– Не будь придурком!
– Бедняжка Ди, ей заботиться о нем!
– Почему мистер Би выбрал ее? Обычно мальчику помогает мальчик.
– Может, из мальчиков никто бы не согласился. Я бы не согласился.
– И я!
– Да, а Ди – любимица мистера Би. Он знает, что она не откажется.
– Хитро.
– Погодите – выходит, этот парень будет сидеть за нашими партами?
– Ха-ха! Бедный Дункан, достанется ему новый сосед. Или Пэтти.
– Я пересяду!
– Мистер Би не разрешит.
– *Все равно.*
– Мечтать не вредно, приятель.

Новенький оглянулся. Лицо у него было совсем не настороженное и не подозрительное, как ожидала Ди, а открытое и приветливое. Карие глаза блестели, как монеты, когда он с любопытством посмотрел на нее. Он поднял брови, отчего глаза стали больше, и Ди почувствовала всем телом удар, вроде того, который испытала, когда на спор прикоснулась к изгороди под током.

Она ничего не сказала, только кивнула. Он тоже кивнул в ответ, потом отвернулся и снова стал смотреть прямо перед собой. Они стояли друг за другом, притихшие, растерянные. Ди огляделась, чтобы понять, не смотрит ли кто-нибудь на них. Смотрели все. Она уставилась на дом напротив школы – дом Каспера, между прочим, – в надежде, что все кругом сообразят: в этом большом мире есть вещи поважнее, чем мальчик, который будто заряжен электричеством, вот об этих-то вещах она сейчас и думает.

Тут она заметила за проволочной оградой школьного двора чернокожую женщину: она держалась за сетку. Маленького роста женщина казалась выше благодаря красно-желтому шарфу, намотанному вокруг головы наподобие высокого тюрбана. На ней было длинное платье из той же яркой ткани. Поверх платья – серое зимнее пальто, хотя уже начался май, и было тепло. Женщина смотрела на них.

– Моя мама считает, что я не знаю, как быть новеньким.

Ди повернулась в изумлении от того, что он заговорил. На его месте она бы язык проглотила.

– А ты уже бывал новеньким?

– Да. Три раза за шесть лет. Это моя четвертая школа.

Ди всю свою жизнь прожила в одном и том же доме, ходила в одну и ту же школу, дружила с одними и теми же людьми и привыкла к уютному чувству уверенности, которым сопровождалась ее жизнь. Она вообще не представляла себя в роли новенькой и не понимала, каково это – когда вокруг все незнакомые, хотя после перехода из начальной школы в среднюю она пару месяцев знала только четверть школьников из своей параллели. И хотя Ди во многих смыслах переросла свою школу и созрела для перехода в новую, от одной мысли, что она окажется в окружении незнакомцев, начинало сосать под ложечкой.

В шеренге другого шестого класса, напротив, стояла Мими и, широко раскрыв глаза, наблюдала за этим разговором. Ди всегда училась с Мими в одном классе, а в последний год их развели по разным. Теперь Ди очень страдала от того, что не может общаться с Мими целый день, как раньше, а только на переменах, во дворе. Досаждало и то, что Бланка, которая училась с Ди в одном классе, буквально втиралась в ближайшие подруги – как сейчас,

когда она почти повисла на Ди, положив руку ей на плечо, и глазела на новенького. Бланка не могла обходиться без физического контакта, во время разговора она прикасалась рукой к человеку, перебирала его волосы, прижималась к мальчикам, которые ей нравились.

Ди стряхнула ее руку, чтобы не отвлекаться от новенького.

– Ты из Нигерии? – спросила она, ей хотелось показать ему свою осведомленность. *У тебя другой цвет кожи, но ты не чужой, я кое-что* знаю *о тебе*.

Мальчик покачал головой.

– Из Ганы, – ответил он.

– А… – Ди ничего не знала про Гану, кроме того, что она, судя по всему, находится в Африке.

Мальчик остался таким же доброжелательным, но выражение его лица словно застыло и стало менее искренним. Ди решила продемонстрировать, что знакома с африканской культурой. Она кивнула в сторону женщины у ограды:

– А на твоей маме дашики?

Она знала это слово, потому что на Рождество ее хиппующая тетушка подарила ей шаровары из ткани с рисунком в виде дашики. Чтобы доставить тетушке удовольствие, Ди надела эти штаны на рождественский ужин, и старший брат дразнил ее, что одна скатерть у них на столе, а вторую Ди напялила на себя. После ужина Ди спрятала подарок в дальний угол шкафа и больше к нему не прикасалась.

– Дашики – это рубаха, которую носят африканские мужчины, – сказал мальчик. В его голосе не было ни насмешки, ни презрения. Он просто делился информацией. – Или чернокожие американцы, когда хотят что-то доказать.

Ди кивнула, хотя не поняла, что именно доказать.

– Кажется, «Джексон Файв» на «Соул трэйн» в них выступали.

Мальчик улыбнулся.

– Мне помнится, Малкольм Икс[5] как-то раз появился в дашики.

На этот раз Ди показалось, что он поддразнивает ее. Ди решила, что пусть, она не против, лишь бы не этот суровый, холодный вид.

– На моей маме платье из ткани кенте[6], – пояснил он. – Ее делают у меня на родине.

– А почему на ней зимнее пальто?

– Она мерзнет везде, кроме Ганы, даже когда тепло.

– А *тебе* тоже холодно?

– Нет, я не чувствую холода. – Мальчик ответил полной, развернутой фразой, как обычно отвечала Ди с одноклассниками на уроках французского, проходивших раз в неделю.

Его акцент не был американским, хотя иногда он вставлял американские выражения. В акценте было что-то английское. Мама у Ди любила смотреть по телевизору сериал «Вверх и вниз по лестнице»[7], выговор нового мальчика чем-то напоминал этот сериал, правда, без такой резкости и апломба, и гласные у него звучали более певуче – видимо, это африканское произношение. Законченные предложения, отсутствие сокращений, мелодия речи, тягучие гласные, все вызывало у Ди улыбку, но она сдерживалась, чтобы не показаться невежливой.

– А после уроков она тоже придет, чтобы забрать тебя? – спросила Ди.

Ее мама никогда не приходила в школу, только на родительские собрания. Она вообще не любила выходить из дома.

---

[5] Малкольм Икс – урожденный Малькольм Литтл, 1925–1965, афроамериканский исламский лидер и борец за права человека. В 1964 году разочаровался в деятельности организации «Нация ислама», лицом которой являлся, и был убит ее активистом.

[6] Кенте – у народов ашанти и эве в Западной Африке: парадное одеяние из ткани с ярким рисунком, сотканной вручную.

[7] «Вверх и вниз по лестнице» – британский драматический сериал о жизни английского аристократического семейства Беллами и его прислуги, выходил в 1971–1975 годах.

Мальчик снова улыбнулся.

– Я взял с нее слово, что не придет. Я знаю дорогу домой.

Ди улыбнулась в ответ.

– Да, так будет лучше. Только малышей из начальной школы приводят и забирают родители.

Прозвенел второй звонок. Учителя четвертых классов встали во главе колонн и повели своих учеников в школу. Затем наступила очередь пятых классов и, наконец, шестых.

– Хочешь, я понесу скакалки? – предложил мальчик.

– Ой, нет, спасибо! Они не тяжелые.

На самом деле довольно тяжелые. Ни разу никто из мальчиков не предлагал ей помочь.

– Давай. – Он протянул руку, и она отдала ему скакалки.

– Как тебя зовут? – спросила она, когда их колонна тронулась с места.

– Осей.

– О… – Имя оказалось уж таким иностранным, что она не знала, за какой звук зацепиться, чтобы повторить. Все равно что пытаться вскарабкаться на абсолютно гладкую скалу.

Он улыбнулся в ответ на замешательство, к которому, похоже, привык.

– Проще звать меня Оу, – сказал он, вводя свое имя в круг привычных звуков. – Я не против. Даже моя сестра иногда так меня называет.

– Нет, я могу выговорить. О-сей. Это на твоем языке?

– Да. Значит «благородный». А тебя как зовут, скажи, пожалуйста?

– Ди. Вообще-то Даниэла, но все зовут меня просто Ди.

– Ди? Как буква алфавита?

Она кивнула. Они переглянулись, и эта перекличка букв, заменяющих им имена, рассмешила их. У Оу оказались прекрасные ровные зубы, а луч света, скользнувший по темному лицу, зажег что-то у нее внутри.

Иэн сразу же заприметил новенького, хотя вроде был увлечен тем, чтобы посильнее раскрутить карусели и заставить четвероклассников визжать. Иэн всегда обращал внимание на всех, кто ступал на его территорию. Ибо двор был его территорией. Так повелось с самого начала, когда он перешел в шестой, самый старший, класс, и в школе не осталось никого, кто мог бы подчинить его себе. Иэн много месяцев упивался своей властью. Любой новенький представлял угрозу. А *этот*, как бы сказать…

Иэн не был самым высоким в шестых классах, не был и самым быстроногим. Он не бил по мячу дальше всех, не прыгал с мячом выше всех, забрасывая его в корзину, и не подтягивался лучше всех на брусьях. На уроках он говорил мало, никогда не получал ни наклеек с золотой звездой за творческие работы, ни дипломов в конце учебного года за успехи в математике, правописании или общественной деятельности. Общественная деятельность – вот уж точно не про него. У девочек он тоже не пользовался особым успехом – эта честь принадлежала Касперу.

Иэн был самый хитрый. Самый расчетливый. Первым реагировал на новую ситуацию и обращал ее себе на пользу. Когда начиналась драка, Иэн делал ставки на победителя и следил, чтобы участники не улизнули. Он точно предсказывал, кто победит. Иногда спорил на то, сколько времени будет продолжаться драка или кто из учителей ее остановит. Часто принимал ставки конфетами, которые затем продавал, – он был равнодушен к сладкому. Иногда требовал от проигравших обеденные деньги, а в остальное время защищал младших школьников, чтобы деньги у них не отбирали, и брал за это свою долю. Ему нравилось смешивать добро и зло, держать малышей в растерянности. Недавно он уговорил родителей открыть ему банковский счет. Они не стали интересоваться, откуда у него такая уйма денег. Его братья в этом возрасте были такими же.

Когда на физкультуре класс бегал кросс по кварталу, Иэн вызывался собрать отстававших. Это давало ему возможность оценить текущую обстановку в мире – кто развозит почту, кто моет машину, кто оставил дверь в дом открытой, пока подрезает розы. Иэн рассматривал все эти обстоятельства с точки зрения выгоды, которую можно из них извлечь.

Иногда он ошибался в расчетах.

Несколько дней тому назад, например, на улице собралась гроза средь ясного неба. Иэн поднял руку, когда мисс Лоуд пыталась объяснить, что такое равнобедренный треугольник. Она измазала мелом весь свой оранжевый брючный костюм, и вид у нее был такой, словно геометрия находится за пределами ее разумения. Она прервала объяснение, удивленная, потому что Иэн редко поднимал руку.

– Да, Иэн?

– Мисс Лоуд, дождь собирается. Можно я выйду, спущу флаг?

Мисс Лоуд посмотрела в окно на сплошные черные тучи и на американский флаг, который весь день развевался перед школой.

– За флаг отвечают девочки из класса мистера Брабанта. Ты прекрасно это знаешь.

– Но они вечно забывают. А мистера Брабанта сегодня нет, им никто не напомнит. Если я сбегаю сейчас, флаг не успеет намокнуть.

Мисс Лоуд поколебалась, потом кивнула на дверь:

– Хорошо, только быстро. И возьми с собой кого-нибудь, чтобы помог свернуть флаг.

Существовало множество правил обращения с американским флагом: его нельзя оставлять на ночь или под дождем, он никогда не должен касаться земли, к нему следует относиться с почтением. Иэн всегда с завистью смотрел из окна, как Ди и Бланка, гордясь поручением, подходят в начале и в конце дня к флагштоку. Обычно девочки действовали очень осторожно, но ему случалось замечать, что иногда они сворачивают флаг неровно и его угол касается земли. Он слышал также, что не всегда они поют патриотические песни, иной раз что-то из репертуара, который крутят по радио. Они явно хотели продлить развлечение, болтали, тянули время, хихикали.

В помощники Иэн выбрал Мими, чем очень удивил всех – мисс Лоуд, Рода, большинство других мальчиков и всех девочек, которые захихикали в кулак. Мими тоже удивилась, а к удивлению примешались испуг и смущение. До пятого класса девочки и мальчики порой играли вместе и называли друг друга друзьями. Но последние два года все разделились по половому признаку и держались в своем лагере – если не считать моментов, которые проводили вместе украдкой, за спортплощадкой или в углу двора, где росли деревья, дававшие легкую тень в жаркий день. На прошлой неделе за спортплощадкой Иэн приобнял Мими, и его ладонь коснулась уже обозначившейся груди, но тут вмешался Род, он предложил Иэну спустить трусы и показать девочкам свое хозяйство. Мими взвизгнула вместе с другими девочками и выскользнула из-под руки Иэна – неохотно, как отметил он.

Когда она вышла вслед за ним во двор, дождь уже начался, хотя, судя по тучам, главное было впереди. Иэн старался не обращать на Мими особого внимания, сосредоточенно снимал веревку со скобы, которая крепилась к флагштоку на уровне талии. Потом начал спускать флаг и скомандовал:

– Держи края.

Мими послушалась, ухватилась за оба угла, когда они оказались на ее уровне. Иэн отцепил другие два угла от веревки, они растянули флаг между собой, как простыню. Иэн задержал взгляд на Мими на секунду дольше, чем требовалось, она стояла неподвижно, с широко раскрытыми глазами. Глаза у нее голубые, а в прозрачной голубизне плавают темные крапинки, отчего глаза мерцают, и это мерцание выбивало его из равновесия. Кожа у нее вся в веснушках, это часто встречается у рыжеволосых – она, наверное, ирландка, пухлые губы, между ними поблескивают брекеты. Черты лица слишком уж неправильные – глаза

чересчур широко посажены, рот чересчур большой, лоб чересчур высокий, – чтобы назвать ее красивой. И тем не менее было в Мими что-то притягательное. Пошел седьмой год[8], как они учились вместе, в одной школе. Однажды он произвел на нее впечатление в третьем классе, он это умел, но до недавнего времени не обращал на нее внимания. Его выбор пал на Мими, потому что он видел в ней какое-то сходство с собой – она тоже не смешивалась с ребятами во дворе. Сестры у нее, старшая и младшая, совершенно нормальные, ее лучшая подруга – всеобщая любимица Ди, а Мими все равно казалась одинокой, даже когда прыгала через скакалку или играла в классики. У нее была репутация немного «того», ей могло стать дурно в неподходящий момент, она мало говорила, но все замечала. Может, это его и привлекало: что она не болтает без умолку.

Он взмахнул правой рукой, давая понять, что ей нужно сложить длинную сторону еще раз, потом они загнули наверх другую сторону, флаг укоротился в три раза. Иэн опять задержал взгляд на Мими, и она покраснела.

– Сворачивай, – сказала он. – Знаешь как?

Мими кивнула и свернула свой край по диагонали так, что получился треугольник, потом еще раз и еще, с каждым разом они становились ближе. Иэн держал свой край возле груди, так что она должна была упереться в него. Когда между ними оставался один шаг и она собиралась свернуть флаг в последний раз, Иэн дернул его, и она упала ему на грудь, треугольник смялся, а он впился ей в губы. Их зубы клацнули друг о друга, Мими отдернула голову, но отскочить не могла, потому что флаг упал бы на землю.

Ее брекеты больно врезались ему в губы, но он совладал с собой, плотно прижался губами к ее губам и начал сосать. Спустя мгновение Мими ответила, тоже стала сосать, так что образовался вакуум и много слюны, но она сжимала зубы, и он не мог засунуть язык ей в рот. «*Она делала это раньше*», – сообразил он, и эта догадка ему не понравилась. Он отстранился, хотя испытал удовольствие и даже возбуждение, признаки которого, он надеялся, заметила и она. Он взял флаг в свои руки, свернул его напоследок, и флаг стал похож на те треугольнички из бумаги, которые складывают дети и пуляют друг другу, играя в настольный футбол.

– Зря ты это делала с другими, – сказал он.

Мими выглядела немного обескураженной, даже испуганной.

– Я ничего не делала.

– Ты не умеешь врать. Ты целовалась с другими – с Филипом, с Чарли, с Дунканом и даже с Каспером.

Иэн перечислял имена наугад, полагая, что хотя бы раз попадет в цель, хотя понятия не имел, в кого нужно целиться. Мими опустила голову, дождь усилился, капли катились по ее лицу, как слезы.

– Если хочешь ходить со мной, не вздумай даже смотреть на других. Ты хочешь ходить со мной?

Мими кивнула.

– Тогда открой рот, когда будем целоваться, чтобы я мог засунуть язык.

– Вдруг выйдут девочки из класса мистера Брабанта, они увидят нас.

– Ни фига. Я сто раз замечал – они не выходят. Флаг вечно намокает, и Ди берет его домой, чтобы высушить в сушилке. Иди сюда.

Он снова прижал губы к ее губам. Когда она открыла рот, он глубоко засунул в него язык, привалил ее к флагштоку и стал орудовать своим языком, пробовать на вкус ее зубы, щеки, язык. Он прижал бедра к ее бедрам, чтобы на этот раз она наверняка прочувствовала его.

---

[8] В американских школах бывает нулевой, подготовительный класс.

Когда они оторвались друг от друга, оба дышали с трудом. От поцелуев он ощутил какую-то легкость и свободу. Веревка болталась под дождем. Иэн взял ее в руку, огляделся кругом, потом вручил треугольник флага Мими.

– Отойди-ка. Покажу тебе кое-что.

Обвив конец веревки вокруг ладони, он пробежал вокруг флагштока, отклоняясь так, чтобы веревка натянулась. Потом подпрыгнул, пролетел над землей и опустился. Потом опять пробежал вокруг флагштока и подпрыгнул, и так снова и снова. Он забыл про дождь, про Мими, про школу, он не чувствовал ничего, кроме ощущения полета.

Когда, потеряв ускорение, он в очередной раз опустился на землю, Мими смотрела на него, прижимая флаг к груди. На душе у Иэна было так хорошо, что он решил проявить щедрость.

– Хочешь тоже попробовать? Давай, это здорово. – Он взял у нее флаг и протянул веревку: – Разгонись, потом подпрыгни.

Она сомневалась.

– Миссис Дьюк может увидеть. Или учителя. Нас застукают.

– Никому нет дела, – фыркнул Иэн. – Все занимаются равнобедренными треугольниками. Так хочешь или нет?

Мими наконец решилась, резко сорвалась с места, отклонилась от флагштока, закрутилась вокруг него, засмеялась, когда ноги оторвались от земли, и взлетела в воздух. Иэн никогда не видал ее более счастливой. По его лицу промелькнула улыбка, очень редкая. Когда она опустилась на землю, он снова поцеловал ее, на этот раз нежнее. Они отскочили друг от друга как раз в тот момент, когда Ди с Бланкой появились на крыльце, чтобы снять флаг. Ди скорчила смешную рожицу, она, конечно, удивилась, застав их вместе, но заметила ли она их поцелуй, Иэн не понял. Да и какое это имело значение.

– Опоздали вы, девочки, – объявил он и прошествовал с флагом под мышкой. Мими последовала за ним, лицо у нее пылало.

Из-за поцелуев и полетов флаг, к несчастью, успел намокнуть, а ведь Иэн отпрашивался именно для того, чтобы это предотвратить. Мисс Лоуд пощупала свернутую треугольником тряпку, которую он положил на стол, и нахмурилась.

– А этот треугольник равнобедренный, мисс Лоуд? – спросил Иэн в надежде отвлечь ее.

– О! – Учительница прищурилась, глядя на флаг. – Не знаю. Дженнифер, отнеси флаг в класс мистера Брабанта.

– Я могу оставить флаг у себя, – предложил Иэн. – Подниму, когда закончится дождь, и сниму после уроков.

– Я бы предпочла, чтобы за флаг по-прежнему отвечал класс мистера Брабанта. А сейчас, Иэн, садись на место. Хватит беспорядков на сегодня.

Иэн проклинал себя за то, что потерял время, катаясь на веревке. Этот необдуманный порыв лишил его шанса заполучить новую привилегию – хотя он и предполагал, что мисс Лоуд в любом случае побоялась бы идти против мистера Брабанта.

Послышался первый звонок, и Иэн схватился за поручни, чтобы остановить карусель. Одного из мальчиков, которые крутились на ней, похоже, тошнило. Иэн усмехнулся и снова раскрутил карусель.

– Десять центов за остановку, – обратился он к мальчику, тот беспомощно кивнул. Иэн уперся ногой в землю, и карусель резко остановилась.

Радуясь тому, что наконец-то отделались от Иэна, четвероклассники бросились к школе, чтобы занять место в шеренге у входа. Только один несчастный остался стоять перед Иэном, с опущенными плечами и поникшей головой.

– Гони деньги, – сказал Иэн.

Мальчик поежился, не поднимая глаз.

– У меня нет.

– Раньше надо было думать, когда сидел на карусели. – Иэн подступил вплотную к нему. – Залезай обратно. Буду крутить тебя, пока тебе не станет плохо.

– Я… я завтра заплачу. Честно.

– Завтра не годится. Надо сегодня. Чего там у тебя есть? Конфеты?

Мальчик в знак отрицания мотнул головой.

– Бейсбольные карточки?

Тот снова отрицательно потряс головой.

– Ну хоть что-нибудь есть?

Опять то же самое.

Иэн порылся в своей мысленной картотеке, которую собрал, всматриваясь и вслушиваясь во все, что происходит вокруг.

– У тебя есть «хот вилс»[9], гони красный «камаро».

Иэн угадал, мальчик начал шарить по карманам.

– Вот, у меня есть пять центов. Я тебе отдам их сейчас, а остальное завтра или после обеда. Я могу сбегать домой в обед и взять еще пять центов.

Но Иэн уже направлялся к холщовой сумке для учебников, которую мальчик повесил на забор несколько минут назад, когда катание на карусели казалось невинным развлечением перед уроками. Иэн вытащил низкую спортивную машинку с огромными колесами, которая как раз уместилась на ладони. Она даже блестела, как новенькая, – видимо, совсем недавнее приобретение. Когда Иэн клал машинку в карман, то услышал, как мальчик пробормотал ему в спину:

– Болван.

Иэн достал машинку из кармана, бросил на землю и наступил на нее. Колеса отскочили, дверцы хрустнули, крыша вмялась, краска с капота осыпалась.

– Опачки, – сказал Иэн и пошел прочь.

Через минуту он уже бранил себя за то, что поддался вспышке гнева и уничтожил зазря хорошую вещь, как будто ему не случалось слышать в свой адрес словечки и похлеще. Зато какое наслаждение было видеть это выражение на лице малыша – которому поплохело куда больше, чем на карусели.

В течение всего разговора Иэн не выпускал из вида новичка, который топтался в конце двора. Теперь Иэн свернул и направился прямиком к новенькому. К черненькому. Он был очень черный. Во время одной из своих информационных разведок Иэн узнал, что в шестой класс скоро придет новый ученик, но он упустил столь важную деталь, как цвет кожи. Иэн внутренне содрогнулся, когда подошел ближе и разглядел черную кожу, черные глаза, капельки пота, поблескивающие в коротко подстриженных, прилегающих к черепу волосах. «*Будь начеку*, – подумал он, – *держи друзей близко, а врагов еще ближе*». Эти слова любил повторять его отец.

– Когда звенит звонок, все должны построиться, – сказал Иэн. – Вон там. Ты будешь в классе мистера Брабанта.

– Спасибо. – Новенький кивнул.

От того, как новенький произнес это единственное слово – решительно, даже самоуверенно, с иностранным акцентом, от того, как он шел, чтобы встать в строй – словно этот двор знаком и принадлежит ему, уже только от этого у Иэна кишки свело в приступе ярости.

– Черт!

[9] Набор-конструктор для игры в гонки, куда входят машинки и детали трассы.

Это Род подкрался, как дворняжка. Маленький и юркий, с темными патлами до плеч. Стоило ему попсиховать, и щеки у него становились пунцовые. Как сейчас.

– Черт, что тут за херня вообще?

Закадычный друг Иэна вечно чертыхался и сквернословил, очевидно полагая, что это делает его круче. Сам Иэн никогда не сквернословил. Отец с помощью ремня давно объяснил ему, что сквернословить – исключительно отцовская прерогатива.

Иэн терпел Рода уже много лет, но ни в коей мере не считал своим другом, хотя слышал, что Род называет себя его лучшим другом, как принято у девчонок. Для Иэна Род был всего лишь подручным, он помогал поддерживать власть во дворе и стоял на стреме, пока Иэн устраивал пари, вымогал деньги у малышей или мучил их забавы ради. Участь у Рода была самая незавидная, хозяин презирал его не меньше, чем другие. Род был слабый, жалкий, вечно ноющий. Вот и сейчас он ныл:

– Нет, ты только глянь, а? Разговаривает с ним. Нет, я бы ни за что не стал ходить с такой!

Ди, подруга Мими, встала на построении позади черного мальчика и сейчас разговаривала с ним. Иэн смотрел на них, потрясенный дерзостью Ди. Когда она отдала скакалки мальчику и они чему-то рассмеялись, Иэн даже нахмурился.

– Не нравится мне это, – буркнул он.

Ну ничего, он этим еще займется.

* * *

Мими равномерно крутила скакалку, и та ритмично постукивала о землю. Мими ощущала, как школьный двор вокруг нее пульсирует жизнью. Рядом две девочки ссорились из-за того, что классики нарисованы криво. Трое мальчиков бежали наперегонки вдоль двора, один сильно отстал перед финишем. Какая-то девочка сидела на крыльце, читала книгу. Несколько мальчиков выстроились в ряд по ту сторону школы, чтобы учителя не видели, и состязались, кто дальше пописает через решетку на дорожку за оградой. Три девочки склонились над комиксами про Арчи и смеялись. Мальчик бросался песком из песочницы под деревьями.

Внимание Мими в этой сумятице притягивали два центра, настолько разные, что взаимно погашали друг друга. Иэн, который мучил четвероклассников на карусели. Мими знала, чем все закончится. Сама она тоже вроде как на карусели, только не знает, спрыгнуть или нет. Когда три дня назад она раскачивалась на веревке у флагштока, ей было и радостно, и страшно, как на качелях, когда взлетишь слишком высоко и запрокинешь голову назад, а глаза откроешь пошире, чтобы, падая, лучше видеть, и голова кружилась сильнее. С того самого дня она ощущала, что прикована к Иэну, и не могла решить, хочет освободиться от него или нет.

Другим центром притяжения, полностью противоположным раскрученной карусели с мальчиками, которые рисковали в любой момент вылететь из нее, был новенький. *Чернокожий* мальчик – цвет его кожи имел значение – стоял совершенно неподвижно и привлекал к себе внимание своей неподвижностью. Окажись Мими на месте новенького, она бы постоянно бродила по двору, пыталась смешаться с толпой, чтобы оставаться незамеченной и не превратиться в легкую мишень. Хотя Мими никогда не доводилось бывать новенькой в классе, но и своей в доску она не была. Она – лучшая подруга Ди, а теперь еще и подружка Иэна, и, казалось бы, эти отношения должны придать устойчивость ее положению, но ничего подобного. У нее было такое чувство, что она дрейфует без якоря по просторам школьного двора.

Вращение и неподвижность. Движение и покой. Белое и черное. Если раньше двор был разбалансирован, то с появлением этого нового элемента он приобрел странное равновесие. Мими потрясла головой, чтобы мысли прояснились.

В этот момент рука у нее дрогнула, конец скакалки провис, и прыгавшая девочка-пятиклассница споткнулась, стала возмущаться, но Мими взглядом заставила ее замолчать. Мими понимала, что пятиклассница выбыла по ее вине, но не хотела признаваться, извиняться или объясняться, потому что ее репутация лучшей «вращательницы» скакалки пострадала бы. Девочка, которая лучше всех вращает скакалку и которая способна чувствовать. Нужно удержать эти звания за собой во что бы то ни стало, потому что это все, что у нее есть. Эти два таланта, да еще Иэн, который на самом деле не подарок.

Пятиклашка отошла в сторону, и Мими пожалела об этом, потому что ее место заняла Бланка, самая симпатичная девочка шестых классов, которая портила себя вульгарной одеждой. Розовая футболка обтягивала так, что проступали все швы на бюстгальтере, короткая джинсовая юбка, бежевые босоножки на платформе, на черных волосах красный берет с наклеенными блестящими камушками розового цвета, на запястье полдюжины золотистых браслетов, они позванивали, когда Бланка прыгала. И прыгала, и прыгала. Бланка была лучшей прыгуньей, как Мими лучшей вращательницей. Они могли довести друг друга до полного одурения.

Мими позволяла ей прыгать, поддерживала ритм, а пока та прыгала, сама наблюдала за тем, как внимание двора постепенно переключается на чужака. Никто, в общем, не прекращал своих занятий, ну разве что на минутку где-то возникла пауза в догонялках, где-то задержка перед тем, как обратно бросить пойманный мяч, а где-то заминка посреди разговора. Потом догонялки, вышибалы, болтовня возобновились, но теперь уже краем глаза или уха все следили за новеньким. Мими чувствовала по настроению во дворе, по состоянию его обитателей, что струны, до этого беспорядочно перепутанные, стали натягиваться и сходиться к одной точке. *Как он только умудряется выдерживать такое внимание*? – думала она.

Между этими струнами двигалась Ди, ее белокурые волосы были туго стянуты в косички, которые заплетала ей мама, убежденная, что девочку необходимо как можно дольше держать в ежовых рукавицах. Ди подошла сказать, что пора заканчивать, нужно собрать скакалки и встать в строй, рядом с новеньким. Ди могла думать только о новеньком. Мими сразу это почувствовала. Она часто угадывала.

Мими не ошиблась: Ди всего лишь мельком взглянула на них с Бланкой, перед тем как занять место рядом с новичком. Мими встала в свою шеренгу напротив, откуда хочешь не хочешь было видно Ди и мальчика. Все смотрели на них. Напряженное любопытство окружило этих двоих пульсирующим ореолом, вроде той пелены, которая дрожит перед глазами Мими, когда начинается приступ головной боли. Если честно, и сейчас в голове возникло это звенящее, сверлящее ощущение, которое предваряет головную боль, наподобие напряжения, что сгущается в воздухе перед грозой.

Потом Ди отдала мальчику бесценные общественные скакалки, и они расхохотались, запрокинув головы, как будто вокруг никого, только они вдвоем, и больше никого для них не существует. Это было настолько поразительно – человек хохочет в первые пять минут своего пребывания в новой школе, – что Мими невольно рассмеялась тоже, от удивления, из симпатии, в подражание. И она была не одна такая – другие тоже заразились этим смехом, улыбались или даже смеялись, не в силах удержаться.

Только не Иэн. Ее парень – именно так все называли его с тех пор, как они с Мими стали парочкой, – стоял с краю и пристально глядел на Ди и на новенького с такой злобной гримасой на лице, что радость Мими сразу улетучилась.

«Я не могу больше ходить с ним, – подумала она. – *Я не могу ходить с человеком, у которого от чужого смеха делается такое лицо»*. На мгновение Мими вспомнила чувство полета у флагштока и как Иэн врывался в нее своим языком, впечатывался бедрами, она даже не подозревала, что такое ей может понравиться, и удивилась, когда ее тело откликнулось, будто в нем зажгли свет. Но она не хочет, чтобы этот свет зажигал такой человек, как Иэн.

Она задумалась, когда лучше сообщить ему, что между ними все кончено. Может, после уроков, тогда можно сразу убежать домой, а там притвориться, что у нее приступ головной боли вроде тех, которые и правда случаются, и не пойти завтра в школу. Завтра пятница, потом выходные, и есть вероятность, что злость Иэна за три дня поутихнет. До конца года только месяц учебы, нужно продержаться до лета, летом они не будут видеться, а потом новая школа, и там он до нее не доберется.

После составления плана ей полегчало – если не считать укола ревности, когда она смотрела, как Ди с новым мальчиком идут вместе к школе, и походка у них такая, какая обычно бывает у друзей и парочек, которые даже шагают в ногу.

Да, ей стало легче. И все же перед глазами промелькнула вспышка, а железные тиски начали сдавливать голову. Они не отпустят, покуда не расплющат череп, и она поддастся боли, как испытанию, которое нужно пройти, чтобы выйти на свет, на свободу.

* * *

Осей окинул школьный двор наметанным взглядом. У него за плечами был опыт знакомства с тремя школьными дворами, и он знал, как их изучать. Каждая площадка состоит из одинаковых элементов: качели, горка, карусели, брусья, конструкция для лазания вроде «джунглей». Асфальт расчерчен для игры в мяч и вышибалы. В конце баскетбольная корзина. Свободное место для игры в классики и для прыжков через скакалку. Эта площадка отличалась двумя особенностями: пиратский корабль с мачтами и реями, по которым можно карабкаться, и песочница, окруженная деревьями.

Ну, и, конечно, дети, которые везде ведут себя одинаково. Мальчишки беспорядочно носятся туда-сюда, выплескивают энергию, которая иначе не даст им спокойно сидеть на уроках, или играют с мячом, непременно с мячом. Девочки, те прыгают в классики или через скакалку. Одиночки читают в сторонке или сидят на верхушке брусьев, пристраиваются в уголке или жмутся поближе к учителям, где безопасно. Задиры патрулируют и контролируют территорию. И в довершение картины он сам, новенький, который стоит неподвижно посреди этих протоптанных тропинок и тоже играет свою роль.

Всматриваясь в ребят, он преследовал собственную цель: найти союзника. Человека, не похожего на остальных, говоря точнее. Еще одно черное лицо, а если такого не окажется, то хотя бы коричневое или, может, желтое. Пуэрториканец. Китаец. Араб. Кто-нибудь, не похожий на бело-розовых американцев из предместья. Но нет никого. Такие редко встречаются. А если встречаются, от них обычно мало проку. В Лондоне была одна чернокожая девочка на всю школу, родом с Ямайки, так она даже смотреть в его сторону боялась, держалась от него как можно дальше, словно они отталкивающиеся магниты. Она дорожила своим шатким благополучием и не желала присоединяться к его борьбе за место под солнцем. В нью-йоркской школе учились два китайца-близнеца, они, когда их задирали, пускали в ход приемы кунг-фу, в результате – противники в синяках, зрители в восторге. Они тоже держались на расстоянии от Осея.

Со временем Осей научился скрывать, что думает и чувствует в шкуре новенького. Дипломат у них в семье – отец, но Осей тоже своего рода дипломат, он оттачивал навыки в каждой новой школе. Когда отец возвращался домой с новой работы и за ужином рассказывал жене и детям обо всех незнакомых людях, с которыми имел дело, о том, что не мог

понять, где припарковать машину или где находится туалет, Осей мог бы заметить: «Мне не легче». Когда отец пожаловался, что все время забывает имя новой секретарши и поэтому обращается ко всем просто «мисс», Оу мог бы поделиться недавним открытием: оказывается, в викторианской Англии хозяева звали всех служанок Абигейль, чтобы не утруждать себя запоминанием их настоящих имен. Оу мог бы поведать, что тоже лихорадочно перебирает в голове имена, чтобы правильно обратиться к учителю перед классом, потому что, если сказать просто «мисс» или «сэр», ответом будут высоко поднятые брови, а класс рассмеется, и положение Осея станет еще хуже. Оу тоже каждый раз приходит на новую работу, его работа – быть новеньким, приспосабливаться – или нет, как получится. Но ничего этого Оу не говорил. Его научили уважать старших – а это значит не задавать вопросов и не вмешиваться в разговор. Если отца заинтересует, как прошел день у сына, он спросит. А поскольку отец не спрашивал, Оу помалкивал.

Сегодня состоялась очередная встреча с новым школьным двором, в котором множество глаз присматриваются к нему, с новой ватагой мальчишек, которые оценивают его. Очередной звонок, который трезвонит так, что и мертвый услышит, очередной учитель, который стоит во главе шеренги и меряет его напряженным взглядом. Все это он уже проходил, все было как обычно. Кроме нее.

Осей ощутил ее присутствие спиной, как огонь, вспыхнувший за плечами. Он обернулся, и она опустила взгляд. До этого она смотрела на его голову. Оу уже перехватывал взгляды других ребят. Похоже, самое лучшее в нем – форма черепа, он округлый и симметричный, без выступов и вмятин. Мама любила напоминать ему, что он появился на свет в результате кесарева сечения, поэтому нежная черепная кость не деформировалась при родах. «Перестань!» – обычно восклицал он, не в силах представить эту картину.

Когда Ди – как здорово, что ее тоже можно называть именем буквы – подняла глаза, огонь перекинулся на него, захватил всего. Глаза у нее золотисто-карие: как прозрачный кленовый сироп. Не голубые, которые так часто встречаются на школьных дворах, голубые глаза у потомков англичан, шотландцев, ирландцев. Голубые глаза у немцев и скандинавов. Голубые глаза у выходцев из Северной Европы, которые переселились в Северную Америку, индейцев с карими глазами завоевали, а африканцев с черными глазами завезли, чтобы делали черную работу. Оу смотрел на нее черными глазами, а она в ответ – карими, как у средиземноморских народов, испанцев, итальянцев или греков.

Она была прекрасна – это слово обычно не используют, когда речь идет об одиннадцатилетней девочке. Чаще говорят «милая» или «хорошенькая». «Прекрасная» предъявляет слишком высокие требования, которым ребенок, как правило, не соответствует. Но Ди была именно прекрасна. Лицо как у кошки, его строение определял костяк – скулы, виски, челюсть, все линии четкие, как в оригами, хотя у большинства девочек в этом возрасте лицо напоминает мягкую подушку. Белокурые волосы заплетены во французские косы, которые веревками сбегают по спине. Оу уловил запах ее шампуня, цветочный, с резкой примесью розмарина. Это был «Хербал эссенс», шампунь, который нравился его сестре Сиси тоже, но не годился для ее африканских волос, потому что содержал недостаточно масел. Она расстроилась из-за этого, и еще из-за этикетки, на которой блондинку с белой кожей и длинными волосами окружали розовые цветы и зеленые листья. Но все равно купила бутылку, просто чтобы нюхать.

Красота этой девочки, которая стояла позади него, была не только внешней. Ему казалось, что девочку изнутри подсвечивает то, что у детей отсутствует или прячется очень глубоко – душа. Он подумал, что не найдется ни одного человека, способного ненавидеть ее, а это большая редкость в нашем мире. Она явилась, чтобы сделать мир лучше. И она уже сделала этот мир лучше для него: заговорила с ним, посмеялась вместе, признала его. И не

важно, что другие школьники глядели на них во все глаза и потешались. Оу смотрел только на Ди и не обращал внимания на других.

Когда они шли в его новый класс, Осей решил, что Ди можно попросить о помощи, дело было пустяковое, но крайне тревожило его – а казалось бы, мелочь, по сравнению с тем важнейшим и непреодолимым обстоятельством, что он единственный чернокожий в школе, где учатся только белые.

– Скажи, пожалуйста, у тебя есть пенал? – спросил он.

Ди посмотрела озадаченно:

– Да, в парте. А что? У тебя нету?

– У меня есть, но…

Он зажал скакалки под мышкой и расстегнул свой портфель, ничем, слава богу, не выделяющийся темно-синий рюкзак, который сопровождал его из школы в школу, не привлекая внимания. Чего нельзя было сказать о пенале, который он показал Ди, вытащив из рюкзака только краешек, чтобы никто больше не увидел. Прямоугольная коробка из розовой пластмассы, усеянная красными пупырчатыми ягодами клубники, которые выступали над розовой поверхностью, как огромная азбука Брайля. Оу не смог найти свой пенал, потому что ящики с вещами не успели разобрать после переезда, и мать настояла, чтобы он взял пенал с клубниками, который носила Сиси, пока не выросла. Когда Оу спросил мать, почему она решила, что мальчику подходит розовый пенал с клубничками, она моргнула и ответила: «Осей, школьнику нужно куда-то класть ручки. Не могу же я допустить, чтобы мой сын пошел в школу без ручек».

Он не смел спорить с матерью и не смел сопротивляться, когда она собственноручно положила в рюкзак пенал, а также носовой платок, которым он точно не воспользуется, бутерброд, который он вряд ли съест, и банку кока-колы, которую, скорее всего, в школе не разрешат выпить. В рюкзаке не было ничего полезного, и все же он перекинул его через плечо и пошел с ним в школу. Ему не удалось припрятать пенал по дороге, как он надеялся, потому что мать провожала его до самых ворот, несмотря на все мольбы отпустить одного. Спасибо уж и за то, что не вошла с ним в школьный двор, хотя за оградой стоять осталась и смотрела, пока он не скрылся в здании школы. Больше никто из родителей так себя не вел – в шестом классе уж точно.

Глаза у Ди полезли на лоб при виде розового чуда. Она не выхватила его из портфеля, не стала размахивать им в воздухе, выставляя Осея на смех перед всеми. Она наклонилась и коснулась пальцем одной из ягод, провела по ее выпуклой поверхности и обвела ее контуры в точности, как делала Сиси – та задумчиво поглаживала ягоды, пока учила уроки за столом на кухне. Это было до того, как она стала уносить домашнее задание в свою комнату, закрывать за собой дверь и включать радио. Сейчас Осей не знал, где она делает уроки – и делает ли их вообще.

– Это пенал моей сестры, – объяснил он. – Но он ей больше не нужен. Она перешла в старшую школу. Десятый класс. Они не носят пеналов. Я не смог найти свой, вот и пришлось взять этот.

Он замолчал, задумался о сестре. Сиси всегда подставляла ему плечо, когда они были младше, защищала, когда они учились в одной школе, выслушивала его жалобы на выходки одноклассников, уверяла, что будет легче, когда он подрастет. Они условились между собой ничего не рассказывать родителям и выручать друг друга, когда приходилось врать – куда исчез портфель, отчего рубашка залита чернилами или губы разбиты в кровь, а однажды у Сиси выстригли прядь волос, заплетенных в дреды. (Тогда Осею пришлось взять вину на себя, и отец его выпорол. Осей даже не пикнул.)

Но Сиси перешла на старшую ступень, теперь они учились в разных школах, и она стала отдаляться от брата и родителей. Вместо того чтобы после уроков валять дурака с

Осеем, она запиралась у себя в комнате и часами висела на телефоне, вела тупые разговоры с подружками, хотя провела с ними целый день в школе и только что рассталась.

Оу знал, что разговоры у них тупые, потому что иногда подслушивал по параллельному телефону, пока не надоедала болтовня про телевизионные шоу и парней из школы, про то, кто в кого втрескался, и про шмотки, которые хочется купить. За обедом Сиси отвечала на вопросы родителей так, чтобы не рассердить их, а больше старалась держать язык за зубами – в принципе самая безопасная линия поведения, учитывая характер отца.

Сиси третировала Осея, глядя сверху вниз, как это прекрасно умеют девочки-подростки. Его это ранило. Он перестал рассказывать ей, что происходит в школе, сам выпутывался из разных историй – в Риме ему порвали рубашку, а в Нью-Йорке так толкнули, что он ободрал все коленки. Не делился он и тем хорошим, что иногда случалось: стоя на воротах, он не пропустил ни одного мяча, или как-то с ним заговорила девочка, а то учитель вдруг похвалил за доклад про «Миссис Фрисби и крысы из НИПЗ»[10]. Осей полагал, что все это Сиси больше не интересно. И читала она не «Египетские игры», или «Ветер в ивах», или «Складку времени», а книжки для подростков – вроде «Спросите Алису» или про жизнь чернокожих – «Невидимку» Ральфа Эллисона, «И пришло разрушение» Чинуа Ачебе или «Я знаю, почему поет птичка в клетке» Майи Анджелу.

Мать философски относилась к изменениям, которые происходили с Сиси: «Осей, твоя сестра взрослеет, – успокаивала она сына. – Ей не хочется, чтобы сейчас возле нее крутился маленький брат. Но поверь, она по-прежнему любит тебя. Когда станет старше, она сумеет тебе это показать. Наберись терпения и жди, она вернется».

На второй год их жизни в Нью-Йорке, когда Сиси исполнилось пятнадцать лет, она еще больше отдалилась вплоть до того, что ему приходилось напоминать себе, что у него есть сестра. Она побросала одну за другой своих белых подружек и в результате осталась в одиночестве, потому что в школе учились сплошь одни белые. Она завела дружбу с чернокожими ребятами, с которыми познакомилась невесть где, подражала американскому акценту, пересыпала речь жаргоном. Стала говорить «ништяк!». Говорила «ну ты борзый», чтобы выразить неодобрение. В тот день, когда она назвала белых «хонки»[11] – правда, все же за спиной у родителей, – Осей понял, что их пути окончательно разошлись.

Этот бунт рассерженной черной девочки продолжался месяц или два, потом он стал принимать более изощренные формы, но они пугали Осея не меньше. Отбросив американский сленг, она перешла на певучий ганский акцент, который они с Осеем усвоили с раннего детства. Стала носить яркие балахоны из ткани кенте – к великой радости матери. Однако радости у миссис Кокоте сильно поубавилось, когда Сиси ради прически в стиле афро так отрастила волосы, что голова клонилась под их тяжестью. Когда мать распекала ее, Сиси смеялась и обнимала мать: «*Маама*, ты должна радоваться, что я позволяю волосам расти свободно, как задумал для африканцев бог».

Она стала чаще отлучаться после школы и по выходным. Осей пошпионил за ней и убедился, что она врет родителем насчет того, куда идет и с кем. Однажды он преследовал ее до Центрального парка, где она встречалась с другими чернокожими подростками, которых Осей не знал. Все были одеты, как Сиси, кто в дашики, кто в балахонах из кенте, у всех на голове огромные афро. Он стоял далеко и не слышал, о чем они говорят, но, насколько мог судить по подслушанным раньше телефонным разговорам, все они были американцами, которые выбрали себе новые африканские имена: Вакуна, Малайка или Ашанти, они поминали в разговорах Малькольма Икса, Маркуса Гарвея, «Черных пантер», лозунги вроде

[10] Книга «Миссис Фрисби и крысы из НИПЗ» написана в 1971 году американским писателем Робертом О'Брайеном (1918–1973). По ней в 1982 году снят анимационный фильм об антропоморфных крысах.

[11] Презрительное наименование, которым чернокожие люди обозначают белых.

«Власть – черным»[12] или «Черное прекрасно»[13] и еще использовали выражения, которых он не понимал: «превосходство белых», «панафриканизм», «встроенный расизм». Осей видел, как Сиси поднимает кулак в приветствии «власть – черным», когда кто-нибудь приходил или уходил. Этот жест был ему знаком по плакату, который она повесила у себя в комнате: спортсмены Томми Смит и Джон Карлос с поднятыми кулаками на Олимпийских играх 1968 года в Мехико. Осей расстроился. Сиси пятнадцать лет – не слишком ли рано идти в революционерки? Он тосковал по тем временам, когда они были близки, вдвоем играли в карты или разучивали танцы из «Соул трэйн». Он тосковал даже по ее мрачному подростковому молчанию. Лишь бы не слышать этих новых разговоров про угнетателей и угнетенных.

В тот день Оу покинул Центральный парк, не выдав себя. Он ничего не сказал Сиси. Не рассказал и родителям, чем занимается сестра. Мистер и миссис Кокоте пребывали в счастливом неведении относительно новых увлечений дочери.

В свое время, перед переездом в Вашингтон, мать заставила Осея сходить в парикмахерскую, и он лишился своего афро. Он гордился прической, носил с собой в заднем кармане брюк гребень повсюду, куда бы ни пошел, чтобы при случае причесаться и держать голову в порядке. Обычно Осей не спорил с родителями, но против стрижки он возражал отчаянно. «Ну почему?» – вопрошал он.

– В этом доме придают слишком много значения волосам, – с намеком обронила мать. – Так будет лучше для первого знакомства.

Оу продолжал возражать, и тогда вмешался отец.

– Сын, делай, как велит мать, и не задавай вопросов, почему она так решила. Она знает, что говорит.

Эти слова положили конец спору и его прическе.

– Бедный братик, – сказала Сиси, когда увидела его после парикмахерской, и усмехнулась:

– Ты похож на стриженую овцу.

Ее собственная афроприческа осталась в целости и сохранности.

Когда Осей вошел в класс вместе с Ди, учитель оттолкнул другого школьника, и у них не оставалось иного выбора, как сесть за одну парту. Парты были расставлены по четыре, квадратом. Это решение учителя, похоже, удивило всех, потому что Оу услышал, как по классу пробежал шепот, но затих, когда учитель прочистил горло и заговорил.

– У тебя есть ручки, карандаши, линейка и резинка? – спросил он у новенького.

Осей застыл, не желая вынимать розово-клубничный пенал, потому что ясно предвидел, какая травля тут начнется, но понятия не имел, как ему поступить. Зато Ди быстро сообразила.

Засунув руку в парту, она достала свой пенал, положила себе на колени и незаметно под столом передала Осею.

– Да, мистер…

– Мистер Брабант, – шепотом подсказала Ди.

– Мистер Брабант. – Осей протянул пенал.

Пенал был белый – сам Оу не выбрал бы этот цвет – но хотя бы не розовый, что уже хорошо. На крышке Снупи, пес из комиксов про Чарли Брауна, он сидел на своей красной будке за пишущей машинкой. Снупи Осея вполне устраивал, он любил его больше, чем несчастного Чарли Брауна или зазнайку Люси. Разумный Линус тоже сгодился бы или Шре-

---

[12] Лозунг негритянского движения в США, требующего большего участия черного населения в политической и культурной жизни страны.

[13] Лозунг движения в защиту гражданских прав негров. Широко использовался афроамериканцами радикальных направлений и был подхвачен прессой. Выражение, видимо, заимствовано из Ветхого Завета. В Песни Песней царя Соломона, Псалом I, 4, говорится: «Черна я, но красива».

дер, который играл на пианино. Но Снупи даже предпочтительней всех: как-никак не белый, шерстка в черных пятнах.

В другом конце класса одна девочка – очень хорошенькая, но изуродованная нелепой попыткой принарядиться – широко открыла рот, сразу узнав пенал своей подруги Ди.

Однако мистер Брабант был не из тех учителей, которые помнят, какой пенал у кого из учеников. Он просто кивнул и начал перекличку. Фамилия у Ди была Бенедетти. Оу не ошибся – итальянка. У остальных были обычные американские фамилии: Купер, Браун, Смит, Тейлор. Эмигрантских фамилий встречалось тоже немало: Фернандес, Коревски, Гансен, О'Коннор. Однако даже на фоне этого разнообразия его имя – Осей Кокоте, поставленное учителем в конец списка, – звучало необычно.

Когда учитель отвернулся, Осей вытряхнул в парту содержимое своего клубничного пенала, а Ди вернул ее пенал.

– Держи, – прошептал он и положил белый пенал ей на колени.

– О, – выдохнула Ди. – Может, не стоит?

– Стоит.

– Давай сделаем так! – Ди улыбнулась и стала перекладывать свои принадлежности в клубничный пенал. Пустой пенал со Снупи протянула Осею.

– Меняемся, и по рукам!

– Зачем тебе это?

– Я так хочу. Мне он нравится. – Ди сжимала пенал сестры Осея и протягивала ему свой. – Хочу такой.

Осей взял пенал со Снупи. Девочка, которая сидела через проход от Ди, с прямыми волосами мышиного цвета, аккуратно подстриженные пряди которых закрывали ей лоб, в сарафане из шотландки, как завороженная смотрела на их сделку, не в силах скрыть неодобрение. Оу пристально посмотрел на нее, после чего она отвела глаза и покраснела.

– Это Пэтти, – сказала Ди. – А это Дункан.

Она кивнула в сторону коренастого мальчика, который сидел через проход от Осея, он переглядывался с одноклассниками и с трудом сдерживал смех. Оу смотрел на него, пока тот не почувствовал его взгляд, и когда их глаза встретились, Дункан перестал улыбаться.

Осей сложил свои письменные принадлежности в пенал Ди, хотя сейчас, после обмена, ему было немного жаль расстаться с вещью, которая принадлежала сестре. Клубничный пенал сопровождал их в странствиях по городам и был неотъемлемой частью запечатлевшейся в памяти картины, всегда одинаковой: кухня, стол, Сиси делает уроки. Во время летних каникул сестра брала пенал с собой в Гану, где он становился предметом вожделения дочек повара, с которыми она играла. По идее, пенал должен был перейти к ним, хотя, возможно, они уже выросли и больше не интересуются подобными вещами. Короче, Осей почувствовал, что он лишился частицы семейной истории.

Ди поглаживала пальцами каждую ягоду, как это делала Сиси. Осею было приятно видеть это. И когда она повернула к нему приветливое лицо и улыбнулась ему, тот свет, который он ощутил в ней с первого взгляда, вспыхнул снова.

Часть II. Первая перемена

Оу и Ди сидели позади,
Целовались, обнимались,
Влюбились, поженились,
Детки народились.

Бланка прямиком направилась к Мими, едва та вышла во двор на перемене. Голова у Мими все еще гудела после иксов и игреков, с которыми их знакомила мисс Лоуд этим утром. «В принципе по программе изучение алгебры начинается в восьмом классе, – объявила она. – Но математика седьмого класса содержит некоторые элементы алгебры, и я не хочу, чтобы мои ученики выглядели бледно, когда из нашей школы перейдут в новую. Кроме того, мистер Брабант уже начал давать своему классу уравнения. Вы же не хотите отставать от них».

Мисс Лоуд крайне болезненно относилась к тому, что другой шестой класс, с более опытным учителем и такими способными детьми, как Пэтти, Каспер, Ди, учится лучше, чем ее класс. На это Мими могла бы сказать ей, что в классе мистера Брабанта на каждую Пэтти приходится своя Бланка: Бланка, с ее обтягивающими футболками и губами, красными от леденцов, которые она украдкой сосет во время уроков. От ее дыхания повеяло запахом синтетического вишневого красителя, когда она схватила Мими и закричала:

– Ди отдала свой пенал новенькому – я своими глазами видела!

– Какой? Со Снупи? – Как многие девочки, Мими прекрасно помнила гардероб и содержимое портфеля своих подружек, особенно если это касалось вещей, которые ей самой хотелось: у Бланки туфли в горошек с перепонкой, у Ди кулон с совой, у старшей сестры блестящий красный плащ. Она помнила, у кого коробочка для завтраков с наклейкой «Семья Партриджей»[14], у кого карандаш с ластиком в виде тролля, у кого значок с улыбающейся рожицей. Конечно, она знала, какой пенал у Ди и что на нем нарисован Снупи. Точно так же, как Ди знала, что у Мими пенал в виде сумочки, сшит из старых джинсов, с кармашком снаружи, и в нем Мими хранит зеленые спасательные круги «Лайфсэйверс»[15].

– Я глазам своим не поверила! – Бланка положила руку на плечо Мими, словно они были лучшие подруги. Она всегда претендовала на близость, которой другие не чувствовали.

Мими высвободилась из-под руки Бланки.

– А как же Ди будет без пенала?

Бланка пожала плечами.

– Понятия не имею. Они сидят вместе и болтают всю дорогу! Клянусь, они пожимают друг другу руки под партой.

– Ты скакалки принесла?

– Ди принесет. Давай подождем на корабле.

Пиратский корабль был сделан из дерева, в кабину можно залезть, а палуба накренилась, как будто под штормовым ветром. Наверху высокой мачты – перекладина, туда можно забраться либо по реям, либо по веревочной лестнице. Корабль построили в честь миссис Хантер, которая двадцать пять лет проработала директором школы, а несколько лет назад

[14] «Семья Партриджей» – американский телевизионный музыкальный ситком, который транслировался четыре сезона с 25 сентября 1970-го по 23 марта 1974 года. Члены семьи Партриджей играют вместе как рок-группа и вместе путешествуют по стране.

[15] «Лайфсэйверс» – товарный знак леденцов в виде миниатюрных спасательных кругов производства компании «Плантерс-Лайфсэйверс». Один из рекламных лозунгов: «Без спасательного круга – никуда» Выпускаются с 1912 года.

вышла на пенсию. Девочки любили лежать рядышком на наклонной палубе, задрав ноги на крышу кабины, и соревноваться, у кого получится надуть самый большой пузырь из жвачки. В классе жевать жвачку запрещалось, поэтому все дожидались перемены, тогда залезали на корабль и набивали рты кусочками «Биг Бадди», розовыми, красными и малиновыми. Только Мими не могла себе этого позволить, потому что жвачка застревала в брэкетах.

Двое четвероклашек карабкались по реям, но, едва завидев Мими и Бланку, спрыгнули. Мими вздохнула, устроившись на палубе.

– В следующем году мы будем самыми младшими во дворе, – сказала она, закрыла глаза и подставила лицо солнцу. – Да в том дворе и заняться-то нечем. У старших классов ни качелей, ни горки, ни корабля. Уверена, у них даже и скакалок-то нет.

– Это точно. Но я все равно хочу перейти туда. – Бланка закинула в рот жвачку и вытянула длинные голые ноги. – Меня уже тошнит от этой школы. Мне нужны новые люди.

Мими улыбнулась, глаза оставались закрытыми.

– Новые мальчики, хочешь сказать.

– Это *Ди* нужен новый мальчик. Лично я не уверена, что мне он нужен. – Бланка сказала таким тоном, словно пожелай она – и сразу заполучила бы его.

– Почему же? Ты ведь его совсем не знаешь.

– Ну, не знаю… но все-таки странно это…

Мими открыла глаза и посмотрела на Бланку.

– Что странно? – Ее позабавило смущение Бланки.

– Ну, например, какие у него волосы на ощупь? Может, жирные – или как?

Мими пожала плечами.

– Какая разница? Ты, что ли, трогаешь волосы Каспера?

Бланка весь год то ссорилась, то мирилась с Каспером. Мими не знала, в какой стадии их отношения находятся сейчас. Все зависит от того, насколько сильно Бланка успела допечь Каспера своим вниманием. Хотя, когда между ними воцарялся мир, было видно, что они симпатизируют друг другу куда больше, чем все прочие «парочки» в их школе, которые пытаются ходить вместе. Несомненно, их отношения были более настоящими, чем у Мими с Иэном.

– Нет, все же он не такой. – Бланка выдувала розовый пузырь, пока он не лопнул на ее пухлых губах.

– Может, он считает *тебя* не такой.

– Я очень даже такая! Сама ты не такая!

Их перепалка могла бы разгореться, но тут подошла Ди, и внимание переключилось на нее.

– Где скакалки? – спросила Бланка.

– Ой, а я забыла. – Вид у Ди был отсутствующий, как будто со сна.

Бланка рассмеялась:

– Надо же, забыла! Кое-кто влюбиииился!

Мими посмотрела в сторону участка с ровным асфальтом, который предназначался для любительниц скакалки. Там было занято, две троицы просто прыгали через скакалку, и еще трое затеяли дабл-датч[16]. Две компании из трех состояли из пятиклашек, их не стоило труда прогнать, была бы охота. Но Ди расположилась на корабле, а ни Мими, ни Бланка не горели желанием идти в класс за скакалками.

– Простите, что задержалась, – сказала Ди. – Я показывала Осею, где туалет для мальчиков.

[16] Игра, при которой две длинные скакалки вращают в противоположных направлениях, чтобы они ритмично перекрещивались.

– Осею? – переспросила Мими.

– Новенькому. Он сказал, что его можно звать Оу. Я сегодня помогаю ему. Хотя на самом деле он не очень в этом нуждается – привык менять школы. За шесть лет поучился в трех разных школах.

– Какой он?

– Очень славный. Честное слово. И умный. Он из Ганы, между прочим. Я не сразу разобралась. Вы слышали, какой у него акцент? Правда, здорово? Я готова его слушать целый день.

Влюбилась не на шутку, – подумала Мими.

– Как его занесло к нам, в округ Колумбия?

– Отец дипломат, получил назначение в посольство.

– А чего его вдруг сейчас-то в школу послали? Учебный год кончается через месяц. Зачем идти в новую школу на месяц, вся эта морока, если в сентябре все начинать сначала в другой школе?

– Он сказал, так решили родители: нужно поучиться здесь хоть несколько недель и познакомиться с ребятами, ведь с кем-то он пойдет на следующую ступень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.